

КОНТРОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ЗА ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТЬЮ ВЛАСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Круглый стол "ЧТО МОГУТ СТРУКТУРЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В БОРЬБЕ ЗА ИНФОРМАЦИОННУЮ ОТКРЫТОСТЬ ВЛАСТИ"

Александр Никитин,
экологическая организация "Беллуна"
(г. Санкт–Петербург)

Так что же такое "государственная тайна"?

На конференции возникла дискуссия о различных категориях информации. Многие задавали вопросы, какую информацию необходимо считать жизненно важной для человека, какую информацию нельзя вообще засекречивать, какую информацию можно и нужно засекречивать, какую информацию можно получить по запросу и т. д.

В результате выступающие сформировали как бы три блока информации: открытая и не подлежащая ни при каких условиях засекречиванию, закрытая (составляющая государственную тайну) и конфиденциальная (которую можно получить по запросу).

Я хочу сказать вот о чем.

Во–первых, в настоящее время в России, исходя из реальной обстановки, в которой мы живем, вообще строго не определено, какая информация может быть отнесена к государственной тайне. Например, был Советский Союз, было одно целое государство, а затем образовалось очень много независимых государств. Совершенно ясно, что информация, которая когда–то являлась государственной тайной Советского Союза, автоматически сейчас не может быть государственной тайной России, хотя бы ввиду того, что носители этой информации живут сейчас в других государствах: на Украине, в Прибалтике, в Молдавии и т. д. Эти люди перед Россией в настоящее время не несут никакой ответственности за неразглашение той информации, которая стала им известна в свое время.

Вот пример из моего дела. Меня конкретно обвиняют в том, что я описал события, имевшие место при ядерных и радиационных авариях на атомных подводных лодках во времена Советского Союза. Мы неоднократно заявляли следователям ФСБ о том, что участниками этих аварий были белорусы, украинцы, прибалты, грузины и т. д., и эта информация осталась у них на всю жизнь. Есть пример. В Харькове участники аварий, бывшие офицеры с подводных лодок, издали две книги, которые называются "Аварии и катастрофы ВМФ СССР. 1975–1996 годы". Поэтому говорить о том, что подобные сведения являются государственной тайной России, по меньшей мере, наивно. Вообще понятие "государственная тайна" – это совершенно конкретная и определенная категория. Это очень дорогостоящее для государства понятие. Государство тратит огромные деньги на защиту этой информации. Созданы специальные отделы, специальные сейфы, в этих отделах работают высокооплачиваемые люди и т.д.

Неужели Россия настолько богатая, что может позволить себе засекречивать совершенно пустую информацию и хранить всю информацию, которая была в Советском Союзе секретной? Неужели вся эта информация для России жизненно важная? И это в то время, когда не выплачиваются долги по зарплате и по пенсиям?

Мы в процессе дела изучали все, что связано с информацией, которая относится к государственной тайне. Я не знаю, кто этой проблемой занимается в государстве. Думаю, что в настоящее время никто не занимается. Мы не обнаружили государственных структур, которые бы четко, компетентно и аргументированно могли сказать, что такое государственная тайна России, какая информация, какие события являются государственной тайной. Такая неопределенность в этом очень важном вопросе дает возможность спецслужбам творить произвол. Примеры проводить не буду. Вы их знаете. Это первое.

Второе. Думаю, что для предотвращения произвола и волюнтаризма в этой области должна существовать процедура отнесения информации к различным категориям. Может быть, такая, которая упомянута в Законе "О государственной тайне", а может, другая. Но не должно быть такого, когда полуграмотный специалист Восьмого управления Генерального штаба без исследования, без изучения, не приводя никаких аргументов, мог сделать вывод, что сведения о "возгорании одежды на мичмане подводной лодки" относятся к государственной тайне России.

В настоящее время в государстве нет ни закона, ни подзаконных актов, которые бы четко определяли, кто, как, когда, при каких условиях и на основании чего выполняет процедуру отнесения сведений к государственной тайне.

Можно предположить, что утвержденный Указом Президента РФ "Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне" составлен после выполнения подобной процедуры. Но не уверен, что этого достаточно. Потому что в Указе использован довольно широкий диапазон понятий. То есть под каждый пункт перечня можно отнести очень много различных объектов. Ну, скажем такой пункт: "Сведения об эксплуатации вооружений и военной техники". Можем взять автомобиль, который находится в воинской части, танк Т-55, новейший танк и т.д. Все эти объекты относятся к категории вооружения и военной техники. Так вот, каким образом, используя президентский перечень, нам определить, какие сведения об этих объектах являются государственной тайной, а какие нет? Думаю, что с помощью процедуры, в ходе которой будет изучен этот вопрос со всех сторон.

А пока таким анализом у нас никто не занимается. Эксперты, которых сейчас привлекает следствие для определения степени секретности, делают это, глядя на потолок, а не в закон и подзаконные нормативные документы.

И такая практика существует уже десятки лет. Следовательно мне как-то сказал: "По такой схеме обвинения, по которой мы хотим Вас посадить, мы посадили тысячи людей. И еще ни разу не было оправдательного приговора суда. А вы хотите эту цепочку построения обвинения сломать". Мы ее уже нарушили (к сожалению, пока не сломали) в том плане, что мы допустили в процесс адвоката, который не проходит особую проверку. Сломать эту цепочку мы сможем только тогда, когда заставим по закону, по процедуре проводить экспертизу на предмет наличия государственной тайны.

Сейчас законной экспертизы в России не существует вообще. Потому что то, что делают эксперты того же Восьмого управления Генштаба называется "экспертиза по определению степени секретности". Обратите внимание, что отнесение сведений к государственной тайне – это одна процедура, а определение степени секретности тех сведений, которые уже отнесены к государственной тайне, – это вторая процедура. В соответствии с законом есть три степени секретности информации: секретная, совершенно секретная и особой важности. Присвоение сведениям в какой-то области одной из этих степеней – это и есть процедура "определения степени секретности".

Делается это просто. Ведомственные эксперты берут свои ведомственные закрытые перечни – мы в принципе ничего не имеем против этих перечней, потому что они предусмотрены законом – и присваивают гриф секретности. Но эти перечни предназначены только для того, чтобы определить степень (гриф) секретности, а не для отнесения сведений в той или иной области к государственной тайне. Это две совершенно разные вещи. А эксперты, не проведя процедуру отнесения, присваивают грифы материалу, который им прислал следователь.

Думаю, что законом, указом или другим нормативным документом невозможно четко определить границы между категориями сведений, о которых сегодня шла речь. Полагаю, что мы только через процедуру отнесения можем выйти на доступ к информации, которая стоит где-то на границе между сведениями, составляющими государственную тайну и не подлежащими засекречиванию. Эта процедура должна существовать в государстве. Эта процедура должна быть узаконена. Эта процедура должна выполняться совершенно конкретными экспертами, независимыми от ведомств (скажем, в рамках межведомственной комиссии по государственной тайне). Думаю, что таким или подобным методом мы сможем разобраться, что есть тайна, что не есть тайна, что можно распространять, а что нельзя.